

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ ОРГАНИЗОВАННОЙ ГРУППЫ: ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Трофимова Светлана Алексеевна

к. ф. н., доцент кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО Красноярский ГАУ
Россия, г. Красноярск

Толстикова Владислав Александрович

магистрант кафедры уголовного права и криминологии
ФГБОУ ВО Красноярский ГАУ
Россия, г. Красноярск

Аннотация: В статье формируется ряд доктринальных и правоприменительных проблем, связанных с реализацией совершения деяния организованной группой; осуществляется комплексный философско-правовой, криминологический и нормативно-правовой анализ такой формы соучастия как организованная группа, опосредовано через понятие организованной преступности, общественная опасность которой является большей по отношению к таким формам соучастия, как группа лиц и группа лиц по предварительному сговору; обозначается проблема формализации понятия и признаков соучастия, в том числе, совершения умышленного преступления; анализируются признаки явления организации; предпринимается попытка установления специфических (сущностных) признаков организованной группы опосредовано через понятия организованной преступности, криминальной организации, криминального формирования, таких как: совершение преступного деяния группой лиц, согласованность и профессиональная преступная компетенция членов группы; формируется определение организованной группы и группировки.

Ключевые слова: организованная группа; организованная группировка; организованная преступная группа; организованная преступность; криминальная организация; криминальное формирование; криминальное сообщество; преступное сообщество.

PROBLEMS OF DETERMINING THE LEGAL NATURE OF AN ORGANIZED GROUP: PHILOSOPHICAL-LEGAL ASPECT

Trofimova Svetlana Alekseevna

Ph.D., Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law
Krasnoyarsk State Agrarian University
Russia, the city of Krasnoyarsk

Tolstikov Vladislav Aleksandrovich

Master student of criminal law and criminology
Krasnoyarsk State Agrarian University, Law Institute
Russia, the city of Krasnoyarsk

Abstract: These theses forms a number of doctrinal and enforcement problems related to the implementation of an act by an organized group; a comprehensive philosophical, criminological and regulatory analysis of such a form of complicity as an organized group is carried out indirectly through the concept of organized crime, the social danger of which is greater in relation to such forms of complicity as a group of persons and a group of persons by prior

conspiracy; the problem of formalizing the concept and signs of complicity, including the commission of an intentional crime, is indicated; analyzed the signs of the phenomenon of organization; an attempt is made to establish specific (essential) features of an organized group indirectly through the concepts of organized crime, criminal organization, criminal formation, such as: commission of a criminal act by a group of persons, coherence and professional criminal competence of group members; the definition of an organized group and group is formed.

Keywords: organized group; organized grouping; organized crime group; organized crime; criminal organization; criminal formation; criminal community; criminal community.

На данный момент в уголовно-правовом регулировании субинститута реализации уголовной ответственности за совершение преступления в составе организованной группы, входящем в институт соучастия, где совершение преступления организованной группой является формой такового, имеет место ряд существенных проблем правоприменения, выраженных в отсутствии обоснованных критериев отличия организованной группы от группы лиц по предварительному сговору и преступного сообщества в действующем законодательстве, в результате чего увеличивается латентность преступлений, совершаемых в составе организованной группы.

Анализируемая ситуация применительно к отдельным проблемам, связанных с организованной группой: нормативного, доктринального и правоприменительного характеров и должна быть обоснованным и справедливым образом разрешена, в связи с чем требуется ее комплексный анализ таковой.

Организованная группа понимается и исследуется в различных аспектах, причем связанных между собой: уголовно-правовом, криминологическом и философско-правовом. Наиболее тесно связаны два последние из них между собой, имеющие определяющее значение для формализации и дифференциации анализируемого явления в УК РФ.

Понятие организованной группы философией права и криминологией глубоко не затрагивается, служит обозначением отдельных проявлений организованной преступности, больше уделяя внимание последней, а также организованной преступной деятельности и профессиональной преступности. На этапе философско-правового формирования определения организованной группы возникает проблема бессистемности и оценочности признаков организованной преступности.

Р. А. Ромашов обращает внимание на родовое понятие организованной преступности – организацию, обозначая ее двойственный характер, нашедший отражение в соответствующих самостоятельных определениях. В первом из них, организация рассматривается как процесс осознанной, волевой, целенаправленной деятельности. Организация по Ромашову Р. А. – это совместный целенаправленный труд, осуществляемый индивидом или группой лиц, направленный на решение определенных задач и достижение определенных результатов. Во втором, организация исследуется как форма упорядоченного объединения людей – это группа людей, совместная деятельность которых сознательно координируется и направляется для достижения общей цели или целей. [11, с. 236] При этом цель организации достигается посредством организационных ресурсов:

человеческие ресурсы (члены групп лиц (группа лиц в данном случае понимается исключительно в философско-правовом и криминологическом контексте, как совокупность людских единиц, а не уголовно-правовом, дифференцированная в ч. 1 ст. 35 УК РФ));

финансовые средства; объекты движимого и недвижимого имущества, материалы и технологии, информация и социальные связи (по сути, данные организационные ресурсы можно обозначить по признаку средств достижения цели организации).

Уже на данном этапе исследования следует констатировать: признаки цели организации свойственны также и отдельным формированиям организованной преступности, что также отмечено криминологом А. И. Долговой.

Е. В. Пеньковский вводит такой признак организованной преступности как обособленность, включающую в себя внешний и содержательный аспект. К внешнему относится наличие символики и атрибутики, материальной (имущественной и денежной) базы у самой организации, а не ее членов. Данный перечень, применительно к организованной группе, требует соответствующего комментария. Дело в том, что по формальным основаниям возможна дифференциация материальной базы между отдельными членами группы, что обуславливается, в частности, тайностью ее существования, в равной степени это относится и к преступному сообществу. Содержательный аспект предполагает наличие программы деятельности, специальной подготовки кадров, существование традиций.

Крайне осторожно исследователи относятся к такому признаку организованной преступности как наличие отдельных проявлений множественности преступлений, например, наличие совокупности преступлений. Так, Л. И. Спиридонов замечает, что осуществляя сущностную оценку организованной преступности нельзя исходить лишь из совокупности преступлений (при фактическом совершении лицами преступлений в отдельных случаях и всей статистической совокупности преступлений, совершаемых всеми организованными формированиями в криминологическом смысле). По его мнению, организованная преступность – это не только совершаемые преступления, но и люди, их совершающие, а также социальные связи и взаимодействия, возникающие в процессе подготовки и совершения преступных деяний. [12, с. 367]

А. П. Козлов в данном отношении идет дальше, осуществляя обоснованное сужение сущности организованной группы, констатируя, что ввод в определение того или иного уголовно-правового явления признаков, не отражающих его специфику, является необоснованным, поскольку это приводит к проблеме отграничения анализируемого явления от иных, смежных с ним явлений. [8, с. 524]

Особую значимость это обстоятельство приобретает применительно к случаям совершения преступлений в составе организованной группы, отличить которую по формальным признакам от иных форм соучастия на практике затруднительно. В связи с этим автор не считает необходимым, вводить в определение организованной группы признак наличия того или иного проявления множественности преступлений. Отечественный законодатель в данной ситуации идет по иному пути, закрепляя в ч. 3 ст. 35 УК РФ признак совершения одного или нескольких преступлений. [2]

Наряду с этим, применительно ко всей организованной преступности, признак массовости преступных деяний все же может находить свое отражение. Этим философия права стремится предать явлению организованной преступности качественно большую общественную опасность.

Подчеркивая многоаспектность характера организованной преступности, Р. А. Ромашов отмечает, что в функциональном (поведенческом) аспекте организованная преступность – это статистическая совокупность поведенческих актов – организованных преступлений, т. е. умышленных преступных деяний, предполагающих наличие нескольких взаимосвязанных, заранее разработанных и логически взаимосвязанных этапов: замысла, подготовки, осуществления, уничтожения следов, предоставления ложных версий, легализации средств, полученных преступным путем... В свою очередь, в субъектном (формально криминологическом) аспекте организованная преступность складывается из преступных организаций и групп, членов которых объединяют общие цели и задачи криминального характера. По мнению А. И. Долговой, «организованная преступность – это сложная система организованных преступных формирований, их отношений и деятельности. [10, с. 506]

Применительно к первому утверждению следует согласиться с умышленной формой вины лиц, совершавших преступления в процессе организованной преступной деятельности в силу того обстоятельства, что для организованной группы свойственна высокая степень соорганизованности, презюмирующая невозможность совершения

преступлений в ее составе при неосторожной форме вины. [9, с. 280] Данное, утверждение не являлось бы очевидным, если бы в доктрине уголовного права в отношении определения уголовно-правового положения института соучастия и организованной группы, существовали устоявшиеся положения относительно возможности или невозможности соучастия с неосторожной формой вины. [7, с. 11]

Одновременно с этим, законодательная формализация соучастия ассоциируется исключительно со случаями совершения умышленных преступлений (ст. 32 УК РФ), что не является достаточным основанием, так как допускается наличие неосторожной формы вины, поскольку задачи философии права, криминологии и уголовного права несколько различаются.

Определение организованной преступности, сформулированное Е. В. Пеньковским, приводит его к выводу о наличии в составе организованной преступности двух основных признаков: 1) группового характера участия; 2) профессиональной составляющей.

Первый признак видится автором как условие вовлечения двух и более субъектов уголовного права, объединенных общей целью и согласованно действующих в заданном этой целью направлении. Позитивно в данном отношении наличие количественного критерия субъектов преступления, в то время как общая цель свойственна в целом, институту соучастия, в части установления вины. А признак согласованности должен быть обособленным, и, как вариант, входить в признак устойчивости, которая является спорной. Как показывает судебная практика, суды по-разному относятся к нему, одни вводят согласованность в признак устойчивости, другие же, обособляют. [3; 4; 5; 6] Можно сделать вывод, что под группой лиц в философско-правовом и криминологическом смыслах следует понимать количественный критерий субъектов преступления.

Применительно к последнему, единство в определении такового в формально-правовом смысле не было найдено, поскольку ч. 3 ст. 35 УК РФ умалчивает о количестве участников группы, а п. «а» ст. 2 Конвенции против транснациональной организованной преступности вводит минимальное количество членов группы, соответствующее трем или более лицам. [1]

Второй признак (профессиональная составляющая) предполагает наличие следующих характеристик: 1) специализация «криминального труда», т. е. «профессиональная компетенция», выражающаяся в специальных знаниях, умениях, навыках в области того или иного «криминального ремесла», а также в использовании в процессе криминальной деятельности специальных инструментов и технологий; 2) разделение «криминального труда», предполагающее совмещение усилий специалистов различных преступных специализаций, направленных на достижение общей цели, стоящей перед всей преступной организацией; 3) систематическое извлечение доходов либо удовлетворение иных субъективных интересов посредством совершаемых преступных деяний.

В той или иной степени обозначенные характеристики нашли свое отражение, как в Общей, так и Особенной частях УК РФ. С одной стороны может показаться, что прослеживается определенная логика применительно к ним (характеристикам), в частности, обращая внимание на ст. 35, 205.4, 208, 209, 210 и 282.1 УК РФ, поскольку как у организованной группы, так и у преступного сообщества (преступной организации) (как последнее формирование формализовано в УК РФ) имеют место быть их специфические, узконаправленные, специализирующиеся на осуществлении отдельного вида преступлений, организованные группы (вооруженное формирование, банда) и преступные сообщества (преступные организации) (террористическое и экстремистское сообщества). С другой стороны, философия права и криминология не знают понятия организованной группы и преступного сообщества в силу их уголовно-правовой природы и происхождения последних. Однако наряду с этим, криминологи проводят градацию систем организованных преступных формирований на криминальные организации и криминальные сообщества, относя действующее разнообразие организованных групп и преступных сообществ в УК

РФ к криминальным организациям, под которыми понимается формирование, являющееся коллективным субъектом преступлений или организованной преступной деятельности. В свою очередь под криминальным сообществом понимается формирование, выполняющее координирующие, организационно-управленческие функции по отношению к криминальным организациям... а также профессиональным преступникам; обеспечивающее интересы той части населения, которая действует вне закона (А. В. Шеслер) [13, с. 17–18]

Применительно к понятиям преступная организация и преступное сообщество, объединенным синонимически в УК РФ, и философия права, и наука криминологии, и доктрина уголовного права в своих положениях обозначают соответствующие проблемы нарушения принципа системности относительно построения правовых норм. Дело в том, что из криминальной организации и криминального сообщества, признак организации подходит лишь к первой. Р. А. Ромашов также сетует на субстанциональность конструкции криминального сообщества, не обладающую формальными признаками коллективного субъекта. Он проводит аналогию (такой подход заслуживает внимания) криминальных сообществ с отдельными социально-культурными явлениями, воспринимаемыми в качестве логических умозрительных конструкций, но не как организованных, сплоченных формирований, т. е. организаций. Определенная логика в этом есть (по такому пути идет и наука криминологии), ведь не зря с недавнего времени в ст. 210 УК РФ была введена ч. 1.1 «Участие в собрании организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей преступных сообществ (преступных организаций) и (или) организованных групп». Криминальное сообщество философией права понимается несколько иначе, понимая под таковым ту или иную антисоциальную культуру из числа представителей преступного мира, но как одну из ипостасей такового, где вторая полностью совпадает с его криминологическим толкованием.

Особый интерес в рамках нашего исследования вызывает то обстоятельство, что криминальным сообществам свойствен признак устойчивости, однако его трактовка разнится по сравнению с уголовно-правовым пониманием, которое на данный момент не нашло своего единообразного отражения в доктрине уголовного права, уголовном законе и в Определениях Верховного суда РФ. Е. В. Пеньковский считает, что, применительно к отдельным антисоциальным культурам, господствующим в осуществлении ими организованной преступности, устойчивость может выражаться в рецидиве. У одних групп это проявляется неоднократностью преступлений, совершаемых такими лицами, у других – в профессиональности применительно к совершению ими преступлений. На фоне этого, текущий анализ осложняется тем, что профессиональность может быть также свойственна организованным группам (как правило, свойственна), являющимися формированиями – разновидностью криминальных организаций.

Следует согласиться с Р. А. Ромашовым, обозначающим признак организованности, применительно к организованной группе, нашедший свое выражение, отчасти в устойчивости. Тем не менее, определение последней автором не сформулировано. Думается, что данный признак следует вывести за пределы организованной группы. Р. А. Ромашов справедливо умозаключает, что употребление понятия преступное сообщество нецелесообразно применительно к криминологическому анализу организованной преступности. Это объясняется не только комплексностью понятия организованной преступности и проблемами ее дифференциации, но и формализации в УК РФ. Вместо преступного сообщества автор вводит категорию преступной группировки, представляющие собой объединения преступных групп.

Таким образом, закономерен вывод о том, что философия права, равно, как и криминология, определяют организованную группу, как разновидность криминального формирования, которая отличается признаком соорганизованности, характеризующееся соответствующей степенью обособленности, при осуществлении своей преступной деятельности, имеющая в своем составе определенную группу лиц, отличающихся

профессиональными навыками, необходимыми для реализации цели существования такой группы, что приводит к преступной специализации. Наряду с организованной группой, существуют организованные группировки как разновидность криминального формирования, представляющая собой объединение организованных групп, преследующих общие цели и выполняющих совместные задачи при осуществлении своей преступной деятельности. Обе разновидности криминального формирования презюмируют наличие соответствующей организации (криминальной организации).

Список литературы:

1. Конвенция против транснациональной организованной преступности (принята в г. Нью-Йорке 15.11.2000 Резолюцией 55/25 на 62-ом пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) (с изм. от 15.11.2000) // Консультант плюс: Законодательство (дата обращения: 22.10.2019).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 16.10.2019) // Консультант плюс: Законодательство (дата обращения: 22.10.2019).
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.01.1997 № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» // Консультант плюс: Законодательство (дата обращения: 22.10.2019).
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 (ред. от 16.05.2017) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Консультант плюс: Законодательство (дата обращения: 22.10.2019).
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Консультант плюс: Законодательство (дата обращения: 22.10.2019).
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 03.12.2013) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Консультант плюс: Законодательство (дата обращения: 22.10.2019).
7. Бохан А. П., Петрашева Н. В. Соучастие в неосторожном преступлении: миф или реальность? // ЮП. 2015. №3 (70). С. 10-14
8. Козлов А. П. Авторский курс уголовного права. Часть Общая. Кн. 1. – М.: Юрлитинформ, 2018. – 752 с.
9. Козлов А. П. Соучастие: традиции и реальность. — СПб. : Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. – 362 с.
10. Криминология: Учебник для вузов / Под общ. ред. А.И. Долговой. - 4-е изд., перераб. и доп. - М.: Норма: ИНФРА-М, 2010. - 1008 с.
11. Ромашов Р.А., Пеньковский Е.В. Философия права и преступления: Монография. – СПб.: Алетейя, 2016. – 344 с.
12. Спиридонов Л. И. Избранные произведения : Философия и теория права. Социология уголовного права. Криминология / Л.И. Спиридонов; С.-Петербург. ин-т права им. Принца П. Г. Ольденбургского, Ин-т "Открытое о-во" (Фонд Сороса), Россия. - СПб. : Изд-во С.-Петербург. ин-та права им. Принца П. Г. Ольденбургского, 2002. – 390 с.
13. Шеслер А. В. Групповая преступность: криминологические и уголовно-правовые аспекты : специализированный учебный курс / под ред. д-ра юрид. наук Н. А. Лопашенко. Саратов : Центр по исследованию проблем организованной преступности и коррупции, 2006. – 152 с.

